

Удар при падении вышел знатным — Лу Юньмяо долго не мог издать ни звука.

Приоткрыв дверь, Сун Ляньчэнь заглянул в щель. Линь Юй как раз подходил к каменному столу посреди двора. Лица его в предрассветных сумерках было не разглядеть, но по неторопливым, свободным движениям угадывалась абсолютная безмятежность.

Лу Юньмяо наконец поднялся на ноги.

— Лу Хуайцин, не слишком-то задавайся! Настанет день, и я...

— Молодой глава секты Лу, поберегите желчь, — спокойно перебил его Линь Юй. — Лучше объясните, что привело вас сюда в столь ранний час? Хотя нет, на дворе ещё глубокая ночь. Что заставило вас отказаться от сна и ломиться в мою спальню с обнажённым клинком?

С этими словами он слегка повёл рукой, и между его пальцев блеснула тонкая бамбуковая трубка. Сун Ляньчэнь сразу её узнал — именно такие использовали, чтобы пускать благовоние для одурманивания души.

При виде бамбуковой трубки Лу Юньмяо мгновенно изменился в лице. Он инстинктивно потянулся к поясу, но тут же осёкся и резко отдёргнул руку.

Сун Ляньчэнь не упустил ни единого его движения.

«Надо же, молодой глава великой секты Обитатели Облаков опустился до столь грязных уловок ради мести, — ядовито усмехнулся про себя юноша. — Эти праведные ордены прогнили до самого основания».

Лу Юньмяо трусливо отвёл взгляд от бамбуковой трубки и натянуто процедил:

— Я пришёл, чтобы свести счёты!

Он вскинул Меч Души Облаков, направив остриё на Линь Юя:

— Сразись со мной, если не трус!

— Свести счёты? — Линь Юй лениво щёлкнул пальцем по бамбуку и, склонив голову набок, усмехнулся: — С помощью вот этой безделушки?

Лу Юньмяо упорно смотрел в сторону. Облизав пересохшие губы, он огрызнулся:

— О чём ты вообще? Я тебя не понимаю! Отвечай: будешь драться или нет? Ты... ты что

задумал?!

Линь Юй молча поднялся со скамьи и двинулся прямо на него.

Секунду назад Лу Юньмяо бахвалился и требовал поединка, но стоило противнику сделать шаг, как он испуганно попятился. Линь Юй же, мягко улыбаясь, продолжал наступать — неторопливо, размеренно, шаг за шагом.

Один наступал, другой пятился, пока Лу Юньмяо не упёрся спиной в каменную горку во дворе. Путь назад был отрезан. Поняв это, он попытался шмыгнуть в сторону.

Но едва он дёрнулся, как Линь Юй резко вскинул ногу и упёрся подошвой в камень прямо перед его носом, намертво заблокировав единственный выход.

Прижатый к скале Лу Юньмяо злобно уставился на него. Линь Юй тепло улыбнулся:

— Так говоришь, не понимаешь, о чём я?

Юноша лишь сильнее стиснул зубы, храня угрюмое молчание.

Линь Юй поднёс бамбуковую трубку к самому его лицу:

— А это тебе знакомо? Тоже нет? Ну хорошо, давай я просвещу тебя. Видишь ли, эта штукавина...

— Мне плевать, что это! — взорвался Лу Юньмяо, раздражённо оттолкнув его руку. — И знать не желаю! Прочь с дороги!

Линь Юй продолжал улыбаться, но взгляд его стал ледяным.

— Разыграно неплохо. Жаль только, эту милую вещицу я вытащил прямо из твоей пазухи.

Лу Юньмяо дёрнул щекой.

— Не смей клеветать! Я — молодой глава секты Обитатели Облаков! Стал бы я марать руки о столь гнусные методы?

— Вот как? — прищурился Линь Юй. — Но если ты понятия не имеешь, что это за трубка, откуда тебе знать, что с её помощью можно вредить людям?

Поняв, что выдал себя с головой, Лу Юньмяо застыл, лишившись дара речи.

Линь Юй снисходительно усмехнулся:

— Лу Юньмяо, я знаю, что стою у тебя поперёк горла. Но если хочешь превзойти меня — делай это открыто, в честном бою, а не опускайся до крысиной возни. Ты сам только что напомнил, чьим молодым главой секты являешься. Каждое твоё слово и поступок пятнают имя твоей секты.

Окаменевший Лу Юньмяо долго не мог прийти в себя. Наконец, пересилив оцепенение, он впился в Линь Юя яростным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Чего ты хочешь?

Линь Юй убрал ногу, сделал шаг назад и слегка вскинул подбородок:

— Извинений.

— Мечтай больше! — вспыхнул тот.

— Ах, вот как? — Линь Юй разочарованно пожал плечами. — Ну что ж, тогда мне придётся обратиться к главе Оуяну. Пусть он рассудит нас по справедливости.

С этими словами он сжал бамбуковую трубку в кулаке и развернулся, намереваясь уйти.

— Стой! — крикнул ему в спину Лу Юньмяо, прежде чем тот успел сделать и три шага.

Линь Юй обернулся с довольной улыбкой:

— Передумал?

Спокойствие и превосходство оппонента душили Лу Юньмяо яростью. Его лицо багровело, а он столь неистово сжимал рукоять Меча Души Облаков, что побелели костяшки. Минуло несколько долгих, удушливых секунд, прежде чем он выдавил сквозь плотно сжатые зубы:

— Прости.

Глядя на его перекошенную от злобы и унижения физиономию, Линь Юй холодно отрезал:

— Я тебе не отец и не мать, чтобы нянчиться с твоими капризами и спускать всё с рук. Сегодня

я отпускаю тебя лишь потому, что в наших жилах течёт одна кровь. Но запомни хорошенько, Лу Юньмяо: это уже третий раз, когда ты переходишь мне дорогу. Если посмеешь сунуться снова — пощады не жди.

Лу Юньмяо, сверкая налитыми кровью глазами, злобно выплюнул:

— Лу Хуайцин, помани моё слово: за сегодняшнее унижение я заставлю тебя заплатить стократно!

Линь Юй лишь отмахнулся:

— Чесать языком горазд каждый. А вот хватит ли у тебя силёнок?

— Ты!..

Линь Юй проигнорировал его ярость и продолжил:

— Раньше я был для тебя пустым местом, беззащитной игрушкой, которую ты мог пинать и унижать как вздумается. Но времена меняются. Я не собираюсь вечно пресмыкаться перед тобой. Отныне за любую попытку меня задеть тебе придётся платить собственными костями.

Лу Юньмяо безумно расхохотался:

— Прекрасно! Просто великолепно! Выходит, все эти годы твоя покорность и трусость были лишь дешёвым спектаклем? Ты просто выжидал, копил силы, чтобы вонзить нож в спину! Лу Хуайцин, надо же быть такой лицемерной тварью... Я действительно тебя недооценил.

Линь Юй лишь разочарованно нахмурился:

— И это всё, что тебя заботит?

В его голосе зазвучало глубокое пренебрежение:

— Ты — молодой глава секты Обители Облаков. В твоём распоряжении лучшие ресурсы и древние техники, но в искусстве совершенствования ты уступаешь мне, самоучке. Тебе самому не стыдно? Не хочется задуматься о собственной ничтожности?

— Да кто ты такой, шваль подворотная, чтобы меня жизни учить?! — взревел Лу Юньмяо.

— Я не учу тебя, — Линь Юй с сожалением покачал головой. — Мне просто искренне жаль учеников твоей секты. Их будущий предводитель — бездарный и ленивый кусок дерьма.

Не давая сопернику вставить и слова, он брезгливо махнул рукой:

— Всё, разговор окончен. Проваливай к себе, пока никто не проснулся, и смени лохмотья. Или тебе мало позора на сегодня?

Лу Юньмяо бросил взгляд на свой подол, испачканный в пыли после недавнего падения, и, задыхаясь от бессильной злобы, зашагал прочь из двора.

Проводив его взглядом, Линь Юй крутанул в пальцах бамбуковый футляр и обернулся к дому. В этот момент он встретился глазами с Сун Ляньчэнем, который наблюдал за сценой из-за двери.

Не ожидавший столь внезапного разоблачения Сун Ляньчэнь на миг опешил, а затем поспешно захлопнул дверь. Однако засов задвинуть он не успел — створка тут же подалась под лёгким напором снаружи.

Линь Юй шагнул через порог.

— Как себя чувствуешь?

Он протянул ладонь, чтобы проверить, спал ли жар, но Сун Ляньчэнь резко отпрянул.

— Не дёргайся, — Линь Юй проигнорировал сопротивление, притянул юношу к себе и прижал ладонь к его лбу. — Всё ещё горячий. Сейчас пойду сварю отвар. Выпьешь и ложишься в постель — нужно хорошенько пропотеть.

Сун Ляньчэнь раздражённо смахнул его руку.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем ты возишься со мной? — Сун Ляньчэнь нахмурился, силясь подобрать слова, но всё же спросил прямо: — К чему вся эта забота?

Линь Юй подцепил носком сапога табурет, придвинул его поближе и сел напротив юноши.

— Я на это уже отвечал.

Видя, что тот продолжает буравить его тяжёлым, полным подозрения взглядом, Линь Юй негромко вздохнул:

— Понимаю, веры мне у тебя нет. Но посуди сам: ты первый, кого я встретил после того, как «потерял память». Пусть мы и не кровная родня, но для меня ты стал кем-то особенным.

И это была чистая правда.

Когда Бай Цзэ из-за истощения энергии погрузился в глубокий сон, Линь Юй остался один-одинёшенек в чужом, пугающем мире. Без связей, без близких, пред лицом туманного будущего — любой на его месте поддался бы глухой тревоге.

Именно в этот критический момент в его жизни появился Сун Ляньчэнь. Он разделил с ним ту жуткую, нескончаемую ночь после первого в жизни Линь Юя убийства. Линь Юй прекрасно понимал, насколько важным и переломным стал для него этот шаг.

В этой безжалостной реальности, где правит культ силы и свирепствуют демоны, старые земные догмы вели лишь к одному исходу — скорой и мучительной гибели.

К тому же, по какой-то неведомой причине этот угрюмый мальчишка сразу пришёлся ему по душе. Была, конечно, и ещё одна причина, о которой Линь Юй предпочёл умолчать: с Сун Ляньчэнем банально не приходилось скучать.

Линь Юй благоразумно придержал язык — скажи он такое вслух, этот дичок наверняка взорвался бы от ярости.

— Я знаю, что прежде причинил тебе немало зла. Поверить мне сейчас — задача не из лёгких, но, думаю, время расставит всё по местам.

Линь Юй мягко, но твёрдо посмотрел на юношу:

— Я не привык бросать слова на ветер. Раз обещал защищать тебя — значит, расшибусь, но защищу. Ладно, погляди на себя: еле держишься, калека несчастный. Логично лечь в постель, а я займусь лекарством.

Глядя ему в спину, Сун Ляньчэнь ощутил, как в груди шевельнулось странное, доселе незнакомое чувство. Но он промолчал, оставив свои мысли при себе.

Весть о болезни Сун Ляньчэня быстро долетела до Лю Инь. Вскоре она уже стояла на пороге с узелком сушёных лакомств. Увидев завёрнутого в бинты, бледного юношу, она всплеснула руками от жалости:

— Боги, дитя моё, что же с тобой стряслось?

— Моя вина, — поспешил вмешаться Линь Юй. — Задержался в пути, а Нин-эр пошёл меня

искать да заблудился под ливнем. Оступился в темноте и покатился с кручи.

Когда Лю Инь ушла, Сун Ляньчэнь поворошил принесённые гостинцы и выудил сушёную сливу. Вкус оказался на удивление приятным — кисло-сладким и сочным. Не удержавшись, он отправил в рот ещё несколько штук.

Линь Юй пододвинул к нему дымящуюся пиалу:

— Пей, пока горячее. Остынет — целебная сила пропадёт.

При взгляде на тёмное, пахучее варево юноша скривился от отвращения. Но, переборов себя, он зажал нос и единым духом осушил пиалу. Сразу же закинув в рот пригоршню слив, он зажмурился, пока кислый сок не перебил горечь снадобья. Сбросив сапоги, он залез под одеяло.

Линь Юй лишь покачал головой, глядя на устроенный на столе беспорядок. Ругать больного мальчишку у него не поднялась рука.

Сун Ляньчэнь натянул одеяло до самого подбородка и прикрыл глаза, делая вид, что засыпает. На деле же он сквозь полуприкрытые ресницы неотрывно следил за каждым шагом Линь Юя.

Линь Юй прекрасно понимал: этот зверёныш слишком долго жил в страхе, чтобы растаять от одного доброго жеста. Не желая навязываться, он молча собрал грязную посуду и тихо выскользнул за дверь.

В комнате воцарилась глубокая тишина. Сун Ляньчэнь долго всматривался в закрытую дверь, погружённый в свои невесёлые думы, и лишь когда тени за окном окончательно рассеялись, забылся глубоким сном.

<http://bllate.org/book/18181/1761001>